

Сергей КУЗИЧКИН

Красноярск

Редактор «Енисейки». Член Союза писателей России.

ВЕРОНИКА

Этот вариант рассказа, а позднее повести, как новелла был опубликован в тайшетской газете «Заря коммунизма» летом 1980 года.

Когда стрелки часов приближаются к двенадцати и бледный месяц заглядывает в почти замёрзшее окно, Вероника, откинув одеяльце, осторожно встаёт. Крадучись, на цыпочках, чтобы не разбудить меня, она направляется в противоположный угол комнаты, туда, где стоит наша ёлка. Я лежу с открытыми глазами, затаив дыхание, слежу за каждым её шагом. Подойдя к ёлке, Вероника садится на корточки напротив Деда Мороза.

— Здравствуй, дедушка Мороз! — обращается к нему вполголоса Вероника. — Мы с тобою не виделись долго-долго — целый год! Сегодня на тебе новая красивая шубка, совсем не такая, как в прошлом году, у бабушки. Ты снова принёс подарки? Знаешь что, дедушка, — подари подарок и моему папе. Ну и что же, что он большой? Подари ему жужжащую бритву, а то он бреется такой, которая режет лицо, и у него потом идёт кровь. Знаешь, какой мой папа добрый-предобрый, хороший-прехороший. Мы с ним катались на карусели и ели мороженое, а потом он купил мне куклу Алёнку и маленькую кроватку. Летом мы с ним поедem в деревню, и он покатает меня на настоящей лошадке. Подари... Ладно?

Я представляю, как сейчас пристально смотрит Вероника на игрушечного Деда Мороза. Так смотрит она и на

меня, когда что-нибудь просит купить. Причём просьбу всегда заканчивает словами:

— А, папа?..

Папа... Подумать только, прошло каких-то полгода, и я привык к тому, что меня называют папой. А тогда...

— Папа! Папа!

Вначале, правда, я не придавал этому никакого значения. Мало ли кого могут окликать, да притом на вокзале? Но когда маленькая девочка лет пяти-шести со слезами на глазах подбежала ко мне и, обхватив ручками мои колени, запричитала:

— Папа, папа, пойдём домой,— я откровенно растерялся.

Напрасно пытался её успокоить, говорил, что я не её папа, достал из чемодана кулёк конфет... Она не унималась. Вокруг уже стали собираться любопытные, и мне ничего не оставалось, как только согласиться:

— Хорошо, пойдём.

Она сразу успокоилась, вытерла слёзы, взяла меня за руку и повела к автобусной остановке. Мы проехали несколько кварталов и вышли у типового двухэтажного домика, стоявшего несколько в стороне от других, вошли в первый подъезд, поднялись на второй этаж, позвонили в квартиру под номером восемь. Дверь нам открыли сразу двое: молодая ещё женщина и мужчина в очках.

— Вероника! — не то радостно, не то удивлённо вскрикнула женщина и наклонилась, чтобы обнять мою спутницу.

Но та сделала шаг назад, крепко, что было силы в детской ручонке, сжала мою руку и уверенно проговорила:

— Это мой папа, и мы здесь будем жить!

Женщина на секунду застыла, а мужчина, глядя на меня, снял очки...

Потом, уже в комнате, начались долгие объяснения и разъяснения. Мне сказали, что Вероника теперь сирота, что недавно умерла её бабушка, жившая в смежной комнате и

не оставившая никаких сведений о родителях девочки, и теперь одному Богу известно, где они есть и есть ли вообще. Говорили о том, что хотели было взять девочку к себе, но столкнулись с такой бумажной волокитой, что желание это у них быстро улетучилось, и теперь они находятся в ожидании, когда за девочкой приедут из детского дома. Сказали и о том, что все последние дни жили спокойно, но вот сегодня утром Вероника пропала, и они очень разволновались. Ведь жалко ребёнка.

Мне показали ордер на всю квартиру, пояснив, что кое-что из мебели они уже перенесли в пустующую комнату, а бабушкину утварь вынесли в подвал — ведь занимать жилплощадь когда-то нужно.

Всё это время Вероника стояла за спинкой моего стула и, обхватив меня ручонками за шею, повторяла:

— Папа, папа, ты ведь не уйдёшь, папа?

Вечером по просьбе хозяев я остался ночевать. Вся ночь прошла в воспоминаниях. Я вспомнил своё детдомовское детство, попытался представить бабушку Вероники и её родителей. Вероника же, раскинув ручонки, крепко спала, улыбаясь во сне, и, казалось, губы её беззвучно шептали лишь одно слово: «Папа».

Утром мы вместе с ней пошли в отдел кадров строительного управления, где после долгих разъяснений, удивлений и консультаций по телефону нам на двоих выделили маленькую комнату в рабочем общежитии. А потом мы долго бродили по городу и смеялись, смеялись, смеялись...

Вероника, прочитав вполголоса игрушечному Деду Морозу стихотворение, встаёт, на прощание машет ему рукой и, пожелав спокойной ночи, направляется к окну.

— Что там, Вика? — спрашиваю её тихонько.

— Идёт снег. Пушистый-препушистый, — говорит она, повернувшись ко мне вполборота. — А ты что — не спишь, папа?

— Нет.

— Тогда можно я лягу к тебе?

— Можно.

— И возьму свою куклу?

— Бери.

Я представляю, как на лице Вероники вспыхивает улыбка. Она подбегает к своей кровати, берёт куклу и, радостная, бежит ко мне.

— Мы сегодня ещё поспим, а завтра будем сидеть долго-долго, пока часы не пробьют двенадцать, а потом ляжем спать, а когда проснёмся, то Дедушка Мороз уже положит нам под подушку свои подарки. Правда, папа? — говорит моя лепетунья, укладываясь поудобнее.

— Правда, — я глажу её по пушистым длинным волосам. — Спи, Вероника.

Рядом на стуле лежит её белое платье Снегурочки. Завтра Вероника наденет его, и мы отправимся на детский утренник. Она будет читать стихи, петь новогодние песенки и кружиться в хороводе. А я, выбрав время, куплю ей новую куклу, большую шоколадку и школьный букварь — ведь на будущий год Вероника пойдёт в школу, а себе наконец-то куплю электробритву, — и всё это после незаметно положу под подушку.

Но это будет завтра, а пока, обняв куклу и прижавшись ко мне, моя Вероника крепко-крепко спит.

Тайшет, 1980

